

В поисках будущего: американские оценки участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941–1945 гг.

М. Ю. Мягков*

Анализ будущего послевоенного устройства Европы, требует специального рассмотрения, поскольку в современном мире цена принятия США своих решений в международных делах чрезвычайно высока, а в условиях появления перед мировым сообществом новых угроз, непрекращающихся локальных конфликтов, очень многое будет зависеть от того, сумеют ли США поддерживать взаимовыгодное сотрудничество с Россией, правильно воспринимать и уважать ее национальные интересы.

По мере развития коренного перелома во Второй мировой войне проблемы территориального плана и послевоенного мирного устройства стали все чаще возникать в переговорах между союзниками. К осени 1943 г. — после впечатляющих побед советских войск на Восточном фронте — представители США, Великобритания и СССР вплотную обратились и к проблемам политического будущего Европы. Завершающий этап дискуссий союзников по европейским делам открылся высадкой западных союзников во Франции в июне 1944 г. Здесь уже в полной мере дали о себе знать существовавшие между западными державами и СССР противоречия.

Рузвельт по праву считается политиком, выступавшим за развитие взаимовыгодных связей между двумя странами в послевоенное время. Однако, несмотря на определяющее влияние президента на внешнюю политику США, рядом с ним действовали, как сторонники, так и противники полномасштабного альянса с СССР. Против политики сближения с Москвой выступали многие влиятельные конгрессмены, представители различных национальных

меньшинств, проживающих в Америке (в том числе этнические поляки); критика Советского Союза в США исходила и от католической церкви. Кроме того, отношение Рузвельта к СССР и к его участию в послевоенном устройстве Европейского континента не было заранее predetermined. Позиция президента в «русском» вопросе — как показывают недавно опубликованные документы архивов США¹ — представляется совсем не однозначной, что важно для исследования особенностей видения послевоенного устройства Европы, и, прежде всего, восточной ее части, не только со стороны США, но и Великобритании. В этом же контексте необходимо выделить проблему признания руководством США советских границ 1941 года, включающих Прибалтийские республики, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию и ряд др. территорий, что связано с распределением сфер влияния на континенте в целом.

В суждениях Рузвельта о СССР переплетались элементы стратегии, геополитики и идеологии. Позитивно оценивая перспективы сотрудничества с Москвой, он в то же время опасался и исходящей от нее опасности для американских интересов. Рузвельт, размышляя о глобальной системе послевоенной безопасности, организации объединенных наций, не мог не учитывать потенциал военно-промышленного комплекса США, который в перспективе вел к экономическому, а затем и политическому господству Америки на большей части территории планеты. Все эти моменты заставляют несколько по иному посмотреть на личность самого Рузвельта в контексте советско-американских отношений, на мотивацию

* Михаил Юрьевич Мягков — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.

принятия им решений в европейских делах. Наконец, на позицию президента решающим образом оказывало положение на фронтах, способность СССР не только выдержать удар Германии, но организовать против нее успешное последовательное наступление.

Известно, что накануне нападения Германии на СССР Государственным департаментом США было принято решение не обнадеживать СССР никакими политическими обещаниями в случае развязывания против него военной агрессии². Сразу после начала Великой Отечественной войны президент США Рузвельт выразил свою полную поддержку борьбе СССР против агрессии, однако заместитель госсекретаря США С. Уэллес указал, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистической диктатуры являются совершенно неприемлемыми. Они такие же чуждые американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры»³. В начальный период Великой Отечественной войны военное ведомство США полагало, что Германия будет занята разгромом России минимум месяц, а максимум 3 месяца⁴.

Оценки стали меняться после встречи со Сталиным личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса в конце июля 1941 г. Помощник президента увидел в Москве решимость сражаться до конца и призвал Рузвельта к самой активной помощи СССР⁵. И, как следствие, несмотря на тяжелейшее положение Красной Армии и неясность перспектив войны, уже 1 августа 1941 г. президент на встрече с членами своего кабинета подверг их жесткой критике за отсутствие реальных мер по поддержке Москвы.

В августе 1941 года Рузвельт и Черчилль подписали знаменитую Атлантическую хартию, два первых пункта которой декларировали отсутствие у США и Великобритании стремления к территориальным захватам и передела мира не находящегося «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»⁶. Характер и направленность этого документа еще нуждается в дальнейшем анализе. Неясно — была ли Хартия сепаратным соглашением, которое, подчеркивая общность геополитических и военных целей двух стран, в то же время, предоставляло им свободу рук в определении будущего отношения к запросам других государств? В конце концов, почему заявляя о своей позиции в территориальных делах, Вашингтон и Лондон (у последнего, кстати, было немало проблем в своих колониях), не только не проконсультировались с Москвой, но даже ни разу не упомянули о ее интересах? Считали ли они, что в будущем СССР уже вряд ли займет место среди мировых держав, либо готовили официальное обоснование для неприятия его требований в случае поражения стран «оси»? В сентябре 1941 г. Советский Союз заявил, что выражает свое согласие с основными положениями Хартии, хотя это отнюдь не означало, что он согласен на пересмотр своих довоенных границ.

Черчилль довольно благосклонно отзывался о выдвигании советской границы на запад в 1939 г. Тем не менее, летом-осенью 1941 г., англичане, равно как и американцы, считали весьма вероятным поражение Красной Армии в борьбе с вермахтом. Давать в этой связи Москве какие-либо обещания относительно ее территорий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны, было, по мнению Лондона, преждевременно. Так, в декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении в составе СССР оккупированных Германией и ее союзниками территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также обсуждать вопрос о польско-советской границе с учетом национальных особенностей населения и вопроса о Финляндии «в духе действительного обеспечения безопасности СССР»⁷. Таким образом, позиция Сталина по вопросу о границах была уже твердо определена. Однако здесь в дело вступал уже американский фактор. Отказ подписать секретный протокол британский министр мотивировал, в том числе необходимостью консультаций с руководством США, отмечая, что «Рузвельт еще до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций с ним в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы»⁸. Другими словами, Иден подтверждал, что США намерены в будущем выступать как сторона — участник мирного договора и обсуждать в том числе вопросы о послевоенных границах.

К весне 1942 г. Великобритания, исходя из разворачивавшихся на фронте событий и, видимо, с учетом требований СССР, сочла возможным изменить подходы к некоторым принципам Атлантической хартии. Так, 7 марта 1942 г. У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «В условиях возрастающих тягот войны я прихожу к мысли, что принципы Атлантической хартии не следует трактовать таким образом, чтобы лишить Россию границ, в которых она находилась, когда на нее напала Германия. Это была основа, на которой Россия присоединилась к Хартии, и я полагаю, русские провели жестокий процесс ликвидации враждебных элементов в Прибалтийских государствах и т. д., когда они заняли эти районы в начале войны. Я надеюсь поэтому, что Вы сможете предоставить нам свободу действий для подписания договора, который Сталин желает иметь как можно скорее»⁹.

Сталин продолжал настаивать на том, чтобы договор с Великобританией гарантировал Москве территории, присоединенные к СССР в 1939–1940 гг. желая, также, чтобы и США признали границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Однако Рузвельт и Госдепартамент США в то время решительно возражали против такого пункта в соглашении между Москвой и Лондоном¹⁰. В феврале 1942 года президент

США дал указания заместителю госсекретаря С. Уэллсу сообщить британскому послу в Вашингтоне Галлифаксу, что не считает возможным принять советские предложения относительно границ. Этот вопрос, сказал он, должен решаться после окончания войны. Рузвельт пояснил, что сам собирается обратиться по этому вопросу к советскому правительству¹¹.

С течением времени позиция президента относительно территориальных проблем и сфер влияния в Европе претерпела изменения, поскольку в декабре 1941 года США вступили в мировую войну, став жертвой нападения Японии. Всю первую половину 1942 г. они вынуждены были отступать под нажимом японских войск. Помощь СССР могла бы иметь решающее значение для Америки, и Рузвельт запросил о ней Сталина практически сразу после событий в Перл-Харборе. Ответ Сталина, данный 10 декабря, объяснял невозможность нарушения советско-японского пакта 1941 г. и неразумность вступления в войну с Японией. Тем не менее, Сталин, как отмечает профессор А. А. Кошкин, давал понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. Более того, на переговорах с Иденом он уже менее категорично отвергал вероятность подключения СССР к борьбе с Японией¹². Японский фактор мог стать своеобразным козырем Москвы в вопросе о скорейшем открытии второго фронта и решении послевоенных территориально-политических проблем, тогда как для Лондона и Вашингтона необходимо было не допустить, чтобы Сталин стал подозревать западных союзников в нежелании удовлетворить его минимальные требования. Вопрос шел об учете взаимных интересов, без чего эффективное сотрудничество с Москвой и сама победа над Германией могли быть поставлены под вопрос.

Весной 1942 года Рузвельт стал менять свои взгляды относительно интересов СССР. Уже 12 марта он пригласил советского посла М. М. Литвинова и информировал его о своей позиции. Президент сказал, что «по существу у него нет никаких расхождений» с советским правительством о советских западных границах и что он всегда считал ошибкой отделение прибалтийских провинций от России после первой мировой войны. Рузвельт заявил, что «он заверит Сталина частным образом, что он с ним абсолютно согласен». По указанию из Москвы Литвинов сообщил в Госдепартамент, что советское правительство приняло информацию Рузвельта к сведению, однако, оно пока не стало поднимать перед Белым домом вопрос о западных границах СССР¹³.

Разрешение всего комплекса проблем, касающихся взаимоотношений СССР и США, в огромной степени зависело от личного доверия между лидерами этих государств и вопросы будущего территориально-политического устройства Европы не являлись исключением. Рузвельт прекрасно осознавал эту ситуацию и уже 16 марта 1942 г. написал послание

Черчиллю, в котором критикуя «наихудшую часть» своей прессы — издания Маккормика-Патерсона, Херста и Скриппс-Ховарда за то, что они «сводят роль Америки лишь к защите Гавайских о-вов, восточного и западного побережья континента» и пытаются «спрятать голову в собственный панцирь и ждать пока кто-нибудь не нападет на тебя», прямо заявил, что лично он «может вести дела со Сталиным лучше, чем весь Форин офис или Государственный департамент»¹⁴.

Необходимо также заметить, что уже весной 1942 г. американский президент приходит к выводу о том, что Советский Союз может стать после войны одной из ведущих мировых держав. Так, 20 мая, выступая перед представителями Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Государственного департамента¹⁵, он отмечал «Соединенные Штаты, Великобритания, Россия и Китай должны осуществлять контроль, разрешать споры и поддерживать безопасность в послевоенном мире. Именно они будут определять, какие сокращения вооружений необходимо произвести. Они также будут осуществлять периодические инспекции вооруженных сил и контроль как водного, так и воздушного пространства», выразив мнение, «что одна из важнейших стран, которую необходимо было бы разоружить — является Франция. Мы ничего не сможем решить в Европе до тех пор, пока обе страны — как Германия, так и Франция, не будут разоружены и не останутся в таком положении»¹⁶.

Таким образом, у Рузвельта был достаточно серьезный повод не препятствовать восстановлению довоенных границ СССР по причинам, прежде всего глобального характера — возможности налаживания сотрудничества с Москвой в деле поддержания международной безопасности в послевоенное время. Шаги по удовлетворению интересов СССР, безусловно, работали на укрепление союзнических отношений, причем, в условиях, когда до открытия второго фронта было еще далеко. В конструировании своей концепции послевоенного мира президент мог опираться на солидную общественную поддержку в самих Соединенных Штатах. Опрос общественного мнения в США показывал невероятно возросшее чувство ответственности простых граждан за будущее всего мира. Как подчеркивал 14 марта 1942 г. в своей телеграмме в американское посольство в Лондоне директор заокеанских операций Управления военной информации американской армии Р. Шервуд, только 11% из всего числа опрошенных выступали за возвращение к изоляционизму. Еще меньший процент хотел жить в союзе лишь с англоговорящими странами или в составе содружества американских государств. Лидирующим мнением являлось создание мировой лиги или мировой ассоциации¹⁷. Все это сближало позиции Лондона и Вашингтона относительно признания довоенных советских границ. Они отличались лишь в той части,

что Рузвельт не желал пока именно публичного одобрения Америкой территориальных приобретений СССР до 22 июня 1941 года.

В мае–июне 1942 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов совершил визит в Великобританию и США. Территориальная проблема являлась ключевой в этих переговорах. Так, во время обсуждения условий союзного англо-советского договора камнем преткновения стала, как и ожидалось, советско-польская граница. В беседе с советским наркомом 21 мая 1942 г. Иден прямо заявил, что «Английское Правительство сделало уступку и согласилось с Советским Правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе»¹⁸. Дело окончилось тем, что Молотов получил инструкцию от Сталина согласиться с предложениями британской стороны и подписать простой договор, без указания будущих границ. 24 мая Сталин телеграфировал Молотову в Лондон: «Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. *Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой* (выделено мной. — М. М.)»¹⁹.

Во время последующего визита Молотова в Вашингтон 29 мая — 5 июня 1942 г. прибалтийская проблема не затрагивалась, хотя во время переговоров был обсужден широкий круг военных и политических вопросов, в том числе и открытия второго фронта. Будучи реалистом и учитывая общественное мнение в своей стране, Рузвельт ухаживал пока от детального обсуждения послевоенных территориальных проблем, заостряя внимание на общих проблемах мировой безопасности. Историк В. Л. Мальков приводит информацию о беседе американского президента с Артуром Свитцером, происходившей как раз в дни визита в Вашингтон В. М. Молотова. Президент говорил об обновленной Лиге наций в виде мощного «резервуара силы» и вновь высказал идею о контролерах послевоенного мира США, СССР, Великобритании и Китае — «четырёх полицейских», которые могли бы сдерживать в будущем любого потенциального агрессора²⁰. Президент в то время, пожалуй, уже нащупал и пытался оформить свою концепцию взаимодействия союзников после завершения войны но, как отмечает профессор У. Кимболл, перед ним вставала дилемма — не сомневаясь, что безопасность народов в будущем должна зависеть от великих держав, его волновал вопрос, кто и как будет контролировать сами эти великие державы²¹. Думал ли Рузвельт, что все спорные ситуации будут разрешаться после войны на основе компромисса или одна из великих держав окажется в более выгодном положении в виду возросшей своей мощи? В этой связи интересно замечание В. М. Малькова о том, что Рузвельт в то время

был озабочен вопросом — как, одержав победу над Гитлером, «гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве»²².

В конце 1942 г. — после начала мощного советского контрнаступления под Сталинградом — высшее командование вооруженных сил США пришло к выводу о важности укрепления отношений с СССР для дальнейшего хода войны и ее результатов. Подобное заключение учитывало не только наличие общего врага двух стран в лице Германии, но и возможность будущего вступления СССР в войну с Японией. Кроме того, Вашингтон понимал, что без участия Москвы теперь невозможно серьезно обсуждать вопросы создания прочного мира в послевоенное время.

Уже в октябре 1942 года аналитики из военного ведомства подготовили для ближайшего помощника Рузвельта Г. Гопкинса меморандум, в котором содержались следующие слова: «...Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире... По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки»²³.

В январе 1943 года Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената подчеркнул, что «Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь — «Не возжелай дома ближнего своего»²⁴.

Дальнейшие события показали, что Рузвельт действительно ратовал за необходимость поддержания дружественных отношений с СССР. Однако, уже тогда, в ноябре 1942 г., в его оценках будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги.

Как представляется, Рузвельт, не имевший к тому времени личных доверительных контактов с Сталиным, стал опасаться, что Советский Союз адаптирует в Европе политику односторонних действий, что шло вразрез с интересами Запада. 25 февраля 1943 г., излагая перед представителями Госдепартамента свой взгляд на перспективы создания

мировой системы безопасности, Рузвельт, по свидетельству присутствовавших, был «очень обеспокоен вопросом о России». Констатировалось, что «...с одной стороны, президент придерживается мнения, [что]... фактически весь мир должен быть разоружен за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане Буллита²⁵ основанном на недоверии к Советскому Союзу, и согласно которому вся Европа восточнее СССР должна быть организована как единый хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией и беспокоится за будущее развитие событий...»²⁶.

В сжатом виде президент затронул на этой встрече и вопросы, касавшиеся будущего многих европейских государств. Его суждения были довольно открытвенны. Он считал, что Восточная Пруссия должна отойти к Польше. Югославия возможно должна быть разделена. Будет образовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Франция должна лишиться Индокитая, но его новый статус пока под вопросом. Относительно международной организации он высказал следующие мысли: (1) «мирной конференции быть не должно, поскольку все мирные вопросы будут разрешаться четырьмя странами (четырьмя Великими державами) совместно с техническими экспертами, число которых не будет превышать десяти; (2) должно быть несколько международных комиссий, которые будут перемещаться из одного места в другое. Женева более не должна быть местом заседаний международной организации — такого постоянного места вовсе не должно быть. Исключая военных договоренностей в Касабланке, не надо вести никаких протоколов о наших беседах и переговорах...»

Суждения Рузвельта в феврале 1943 г. о послевоенном контроле над миром и будущем Европы можно добавить следующими строками, отложившимися в качестве примечания к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента: «Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке Президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос — что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»²⁷.

Сомнения Рузвельта кажутся, на первый взгляд, вполне объяснимыми — он пытается выстроить свою систему планетарной безопасности и беспокоится о надежности одной из ее ведущих опор. Вопрос вновь идет о доверии между союзниками. Но так ли безупречны стандарты, в рамках которых действует президент?

Попытаемся обозначить приоритеты, которые могли стоять в то время перед Рузвельтом. Предлагается, что вопрос здесь стоял не только в поддержании военно-политического баланса, но и в сохранении и укреплении позиций США. Послевоенная торговая экспансия американских монополий на Европейский континент, в случае доминирования там СССР, оказалась бы невозможной. Америка вела свою игру, чтобы, добившись скорейшего разгрома нацистской Германии, не допустить при этом чрезмерного присутствия СССР в Европе, оставить при этом под своим влиянием Францию (хотя бы до момента определения ее будущего статуса).

В конечном итоге, решение всех этих проблем было тесно увязано с подготовкой вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Но, заметим, вторжения оптимально выверенного по времени и масштабам. Складывающаяся стратегическая ситуация на фронтах войны позволяла Вашингтону провести спокойный и грамотный расчет, то есть организовать десант именно в тот момент, когда мощь Германии будет уже окончательно подорвана, но еще до того, как СССР приблизится к жизненно важным для интересов США районам Европы. Конкретных высказываний президента Рузвельта, где он напрямую говорил бы о вышеназванных причинах затягивания операции вторжения, мы вряд ли когда-нибудь обнаружим. Предполагать, что именно они, а не военно-технические факторы или позиция Черчилля, послужили основными мотивами для затягивания западными союзниками открытия второго фронта, можно только на основании косвенных источников. Тем не менее, Москва усматривала в нежелании Запада организовать скорейшую высадку во Франции вполне определенные политические резоны.

Известно, что к первой половине 1943 г. проблема открытия второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по Антигитлеровской коалиции, а на некоторых этапах сражений 1941–1943 гг. имела для Советского Союза критическое значение. Так было в ходе Московской битвы и в битве за Сталинград, и даже накануне битвы на Курской дуге летом 1943 г. Время шло, но второй фронт так и не был открыт. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет. Руководители США и Великобритании готовились к военным действиям в Средиземноморье. В мае 1943 г. Рузвельт был вынужден уже официально сообщить в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г.²⁸

Все это происходило на фоне разрыва Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне и сокращения поставок в СССР по ленд-лизу²⁹. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений. Из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. Майский и М. Литвинов. Москва всерьез задавалась вопросом — насколько

искренними являются договоры о сотрудничестве с США и Великобританией и готовы ли они допустить Советский Союз к решению вопроса о послевоенном устройстве Европы?

С другой стороны в начале 1943 г. в американском Госдепартаменте, Управлении стратегических служб и других государственных ведомствах США широкое распространение получили оценки вероятности заключения Москвой сепаратного мира с Германией, что связано с появлением слухов о контактах советских и немецких представителей в нейтральных странах, в том числе о якобы имевшей место встрече Молотова и Й. Риббентропа в июне 1943 г. в оккупированном немцами Кировограде³⁰. Главным основанием для подобных гипотетических предположений являлся тот факт что СССР больше не захочет проливать кровь своих солдат, так как плодами его победы могут воспользоваться окрепшие и не понесшие серьезных потерь западные союзники. Имеются основания предполагать, что это была дезинформация, подготовленная в Москве и специально предназначенная для лидеров Англии и США. Она могла способствовать осознанию западными союзниками угрозы остаться один на один с Гитлером и, соответственно, ускорению их приготовлений к вторжению в Европу.

Обе стороны — СССР и США подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшем в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел право задуматься об истинных причинах постоянных отсрочек военной операции во Франции. После передела под Сталинградом при Госдепартаменте США активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли США и других стран в послевоенном мире. Такой анализ проводился в отделах Управления стратегических служб, Комитете начальников штабов и военном ведомстве США. В Москве также следили за своими союзниками и их политическими решениями. Осенью 1943 года, при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (т. н. «комиссия Литвинова»). Скорректировать свои стандарты поведения в рамках коалиции, возможно было только путем личной встречи лидеров союзных держав, тем более что вопросы, связанные с отношением к послевоенной Германии и распределением сфер влияния как в Восточной, так и Западной Европе, уже явственно выходили на первое место.

Весну 1943 года можно датировать как время, когда Рузвельт смирился с вхождением территорий, присоединенных в 1939–1940 гг. в состав СССР, за исключением некоторых участков границы, которые он считал пока спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 года он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в со-

ставе СССР, а восточная граница Польши проходила по линии «Керзона». Рузвельт сказал также, что придется согласиться с вхождением в состав СССР Прибалтики, но при этом следует добиться от Москвы уступок по другим вопросам³¹. Из дальнейшего развития событий хорошо видно, что эти вопросы касались отношения к Германии, Польше и другим государствам Восточной Европы. Большие надежды американский президент возлагал также и на будущее участие России в войне против Японии.

После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». «США и Великобритания не смогут воевать против России... Русские выпускают так много военной продукции, что американская помощь, за исключением разве что грузовиков, представляется незначительной». Но самое главное, уже на этом этапе войны, Рузвельт предлагал договориться о зонах ответственности будущих победителей, что по его мнению могло выглядеть следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США — регион Тихого океана, Британия и Россия — Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет прежде всего занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими»³².

Дискуссии о том, как могут строиться будущие взаимоотношения с СССР, развернулись в то время во многих правительственных и военных учреждениях США. В этой связи обращает на себя внимание доклад исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США «Могут Америка и Россия сотрудничать?», подготовленный незадолго до начала Квебекской конференции руководителей США и Великобритании 1943 года³³. В нем отмечалось: «Цели США в войне не противоречат минимальным требованиям СССР, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней». Здесь же прогнозировались три возможных альтернативных линии поведения США: 1) Немедленное достижение компромисса с Россией, устранение существующих противоречий; 2) Следование такой политике, которая не зависит от политики и стратегии СССР; и 3) «Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...».

К чести составителей документа ими был отброшен третий вариант стратегии, говорящий о примирении с Гитлером и были выдвинуты варианты наиболее приемлемых путей дальнейшего взаимодействия с Москвой: скорейшее начало боевых действий в Западной Европе, что было бы выгодно не только США, но и СССР; совместная оккупация Германии; участие СССР в войне против Японии и т. д.

В заключение указывалось, что подобная политика компромисса «может иметь огромные положительные результаты... Обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели, не зависимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения»³⁴.

В известной мере такой вариант учитывался и Ф. Рузвельтом, о чем свидетельствует его решение не информировать Москву о введшихся в США исследованиях в области создания атомной бомбы («Манхэттенский проект»). Эту «дубинку» американский президент оставлял про запас. Однако медлить с открытием второго фронта западные союзники уже не могли, поскольку оттягивать высадку и дальше означало пойти на риск подрыва своего влияния Европе, когда существовала вероятность, что СССР сможет самостоятельно добиться победы над Германией и захватить все ключевые районы континента.

Ряд документов, относящихся к англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. подтверждает, что западные союзники в то время уже сильно опасались односторонних действий СССР в Европе и вступления им на путь выдвижения «максимальных требований»³⁵, доказательством чему служит осуждение полученной от советского лидера телеграммы, в которой, по словам одного из ближайших советников Рузвельта, ставшего в октябре 1943 года послом в СССР, А. Гарримана, «в достаточно грубой форме предлагалось, чтобы Сталин имел куда большее участие в делах на определенных направлениях». Речь шла о телеграмме Сталина Рузвельту и Черчиллю от 22 августа 1943 г., в которой тот выражал свое отношение к введшимся Англией и Америкой переговорам с итальянцами о новых условиях перемирия. Сталин указывал на неосведомленность советского правительства о деталях этих переговоров и заявлял, что «До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдавшего. Должен Вам сказать, — подчеркивал советский лидер, — что терпеть дальше такое положение невозможно...»³⁶.

Гарриман замечал, что «премьер-министр и президент были особенно раздражены, поскольку они старались держать Сталина полностью информированным. Однако невозможно, чтобы вначале раздражаться Сталиным потому, что он оставался в стороне, а затем из-за того, что он грубо присоединяется к компании». На самом деле, оценки и прогнозы Черчилля шли куда дальше. Он сказал Гарриману, что «предвидит в будущем кровавые последствия (используя слово «кровавые» в его буквальном смысле).

Сталин противоестественный человек, — подчеркнул британский премьер. — Будут серьезные неприятности»³⁷. Неизвестно, придерживался ли Рузвельт в тот момент подобного мнения, или нет, хотя было понятно, что эмоциональный британский премьер постарается убедить президента именно в таком развитии событий. В конце концов, Италия, на территории которой вели боевые действия англо-американские войска, равно как и Югославия, могли считаться Черчиллем сферой интересов только западных союзников.

На повестке дня лидеров западных союзников стояло решение об открытии второго фронта. В ключительном докладе объединенного англо-американского штаба президенту и премьер-министру, составленному 24 августа 1943 г. по результатам Квебекской конференции, говорилось уже о сроках начала мощной десантной операции в Европе — операции «Оверлорд», которая «явится главной операцией сухопутных войск и военно-воздушных сил Соединенных Штатов и Великобритании против стран «оси» в Европе (предварительная дата начала операции — 1 мая 1944 года)»³⁸.

Еще одним предметом беспокойства США был вопрос о том, как поведет себя Москва в освобожденных странах. Сотрудники Госдепартамента активно готовили аналитические записки, содержащие анализ будущей политики СССР. Интересным в этом плане представляется документ, подготовленный 1 сентября 1943 г. — «Современные тенденции советской внешней политики». В нем говорилось, что, несмотря на то, что СССР присоединился к Атлантической хартии и подписал союзный договор с Великобританией, он, тем не менее, отказывается от тесного военного сотрудничества с западными державами. Все это, по мнению аналитиков, указывало на то, что «советское правительство могло адаптировать в Европе такую политику, которая была бы независимой от западной, или даже противостоящей ей. Советские лидеры, по-видимому, желают сохранить позиции, позволяющие им иметь максимум свободы в определении альтернативной линии поведения. Они будут выбирать политику, зависящую от развития событий и учитывающую постоянные интересы государства... Он (СССР) требует восстановления своих границ по состоянию на 22 июня 1941 г., выступает против образования любого блока восточноевропейских государств, находящихся не под его контролем. Если западные державы будут выступать против подобной политики, шансы на то, что СССР отвернется от сотрудничества с ними и даже займет в отношении Запада враждебную позицию серьезно возрастут»³⁹.

Именно поэтому у Рузвельта с осени 1943 года все более стало укрепляться понимание того, что Москва не отступит от своих территориальных интересов. Встречаясь с А. Гарриманом, накануне отъезда последнего в Москву в качестве нового посла США, президент говорил, что надеется удержать Сталина

от односторонних действий в территориальных вопросах путем признания СССР в качестве великой державы и оказания послевоенной помощи, высказывал мысли — показавшиеся Гарриману даже наивными — в частности, о проведении плебисцита в Прибалтике⁴⁰. В своем меморандуме о беседе с Рузвельтом 2 сентября 1943 г. Гарриман отмечал: «президент [собирается] вести окончательные переговоры основываясь, главным образом, на разъяснении реакции мировой общественности на насильственные захваты. Очевидно, что Советы имеют силу предпринимать односторонние акции». В отношении Германии Рузвельт высказал соображения о разделе ее на три или пять государств и ликвидации ее воздушного флота. Зоны оккупации немецкой территории — три или четыре (если будет допущена Франция) — должны проходить через Берлин. Оккупационные силы, возможно, не будут большими⁴¹. Относительно сфер влияния в Европе президент не углублялся в конкретные подробности. Он не хотел, «чтобы США в военном плане напрямую отвечали за континент, разве только как дополнительная сила. Это должна быть работа Советского Союза, Великобритании и (возможно) Франции»⁴². Рузвельт подчеркивал, что США не заинтересованы в контроле над Европой, хотя американский лидер уже не говорил о «доминирующем влиянии» Москвы на европейские дела. Почему? Не являлось ли это тонкой игрой, смысл которой — оставаясь в стороне, следить за будущим противоборством на континенте Англии и России? Иными словами, не собирался ли Рузвельт сохранить за собой права арбитра европейского баланса, каковым в прошлые века считала себя Великобритания? Последующие события и поступки Рузвельта приоткрывают нам завесу над его подлинными замыслами.

Итак, осенью 1943 г. основной упор президент делает на возможности коррекции восточной границы Польши. В отношении Прибалтики сделка уступает место обращению к моральным ценностям. Отметим, что именно в этот момент — накануне встречи министров иностранных дел трех держав в Москве и последовавшей затем Тегеранской конференции, президент желает заручиться обещанием Сталина (пусть пока и устным) вступить в будущем в войну на Тихом океане.

Незадолго до Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, выступая 5 октября 1943 года перед представителями Госдепартамента, Рузвельт заявил: «В собственных интересах России, исходя из ее нынешнего положения в мире, сделать заявление о том, что спустя примерно два года после войны она организует еще один плебисцит в Балтии. Несмотря на то, что сама Россия считает предыдущий плебисцит окончательным, остальной мир, по-видимому, так не думает. Подобная идея может быть применима и к Восточной Польше. Президент полагает, что новая граница должна в лю-

бом случае проходить несколько восточнее линии Керзона. Лемберг [Львов] должен отойти к Польше, и там необходимо провести плебисцит после того, как население оправится от шока войны...».

Кстати говоря, президент затронул на этой встрече вопрос не только о западных, но и о восточных границах СССР. Рассуждая о международной опеке над различными «ключевыми пунктами безопасности» и островами в мировом океане в послевоенное время, он бросил фразу, что «Курильские острова должны на самом деле быть переданы России...». А некоторые примеры, приведенные президентом, напрямую затрагивали интересы СССР: так, «свободной зоной» под международным контролем, по его мнению, мог стать проход в Балтийское море через Кильский канал. Подобную зону Рузвельт предложил организовать специально для России применительно к Персидскому заливу⁴³.

Рузвельт вновь высказал идею раздела Германии на несколько государств, «которые будут полностью суверенными, но соединены общими почтовыми службами, едиными линиями коммуникаций, железными дорогами, таможенными правилами» и должны быть лишены любой активности в военной сфере. Восточная Пруссия — отторгнута от Германии, а все существующие там «опасные элементы насильственно переселены». Нежелательные последствия такого раздела Рузвельта особенно не волновали⁴⁴.

В отношении репараций с поверженного рейха президент учитывал возможную позицию СССР. Он отметил, что «они не должны быть обязательно денежные, они могут выплачиваться в форме предоставления рабочей силы и оборудования»⁴⁵. Именно такой вариант в последующем устроил и Сталина.

Военно-политическая ситуация в Европе и Азии, роль СССР в борьбе против блока агрессоров сделали невозможным для лидеров США и Великобритании ведение диалога с СССР с позиции какого-либо рода диктата. Однако в проектах повестки дня московской конференции аналитики Госдепартамента предлагали, что в случае если Советский Союз будет настаивать на признании его границ 1941 года, поставить перед ним вопрос — почему должны быть сделаны какие-то исключения в пользу СССР в обход основного принципа, что все территориальные и пограничные проблемы должны решаться не до, а после заключения мирного соглашения и одобрения некой формы международной организации для сохранения послевоенной безопасности. В инструкциях госдепартамента от 13 сентября 1943 г. подчеркивалось, что делегация Соединенных Штатов должна избегать «непоправимой» скоропалительности в уступках советским требованиям и не давать возможность увязывать их с успехом послевоенного сотрудничества СССР с западными демократиями⁴⁶.

На московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании проходившей осенью 1943 г., для выработки рекомендаций

по делам послевоенной Европы стороны решили учредить в Лондоне Европейскую консультативную комиссию. Государственный секретарь США К. Хэлл предложил также рассмотреть документ «Основные принципы капитуляции Германии», в котором предлагались меры по ее оккупации, демилитаризации и расчленения на несколько государств. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден одобрил этот план. Свое согласие высказал и В. М. Молотов, подчеркнув, однако, что СССР не желает пока открыто высказываться за жесткие меры к Германии. Вопрос о будущем германского государства был передан на рассмотрение ЕКК, которой также предстояло обсудить и французскую проблему.

Участники конференции приняли и ряд других документов: Декларацию об Италии, предусматривающую демократизацию всех политических институтов страны и Декларацию об Австрии, зафиксировавшую восстановление в будущем ее независимого статуса. В процессе дискуссий суждения Рузвельта о «4-х полицейских», которые будут охранять будущий мир, начали находить воплощение в межправительственных документах. 30 октября представители великих держав — Молотов, Хэлл, Иден, а также посол Китая в СССР Фу Бинчан подписали Декларацию, в которой говорилось о необходимости добиться безоговорочной капитуляции стран «оси» и «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности» с участием в ней всех миролюбивых государств⁴⁷.

Встреча министров иностранных дел трех держав по сути дела открыла новый этап взаимодействия между союзниками. Накануне Тегеранской конференции Рузвельт как никогда нуждался в достоверной информации о мнении советского руководства по поводу перспектив советско-американского сотрудничества, и Гарриман старался не обмануть ожиданий президента. Суждения посла выглядели достаточно оптимистично. Однако Гарриман не оставлял в стороне и некоторые тревожные нюансы возможной будущей политики СССР. Так, он отмечал: «Советы остались очень довольны тем, как проходила конференция... Было интересно наблюдать за реакцией Молотова. По мере того, как он стал осознавать, что мы не собираемся выступать против него единым фронтом и готовы честно и открыто обсуждать наши предварительные наметки, он выражал все большее удовольствие тем, что впервые допущен к совещанию в качестве полноправного члена, обладая такими же правами как британцы, либо мы сами...» Гарриман заметил, что представители СССР готовы «сделать существенные уступки ради достижения еще большей близости между нами». Вместе с тем посол заметил, что «советское правительство будет твердо стоять на позиции, которую оно уже обозначило касательно своих границ 1941 г. <...> Проблема Польши еще более сложная, чем нам представлялось. Русские

относятся к нынешнему польскому правительству в эмиграции, как к враждебному и поэтому считают его совершенно неприемлемым. Они решительно настроены признать только такое польское правительство, которое являлось бы искренним и дружественным соседом. С другой стороны, Молотов вполне определенно сказал мне, что Москва желает видеть Польшу в качестве сильного независимого государства, безотносительно, какую социальную и политическую систему захотят избрать сами поляки. ... Но они решительно не настроены иметь на своих границах в Восточной Европе любое подобие санитарного кордона». Гарриман также счел своим долгом предупредить президента о том, что «несмотря на то, что русские собираются информировать нас о своих акциях, они предпочтут принимать односторонние действия в отношении этих [пограничных] стран, устанавливая с ними такие отношения, которые считали бы удовлетворительными для себя». Посол полагал, что «подобная жесткая линия могла бы быть пропорционально смягчена увеличением доверия Москвы к Британии и США в деле построения всемирной системы безопасности»⁴⁸.

Дискуссии по широкому комплексу военно-политических вопросов, происходивших в Москве, дали возможность главам держав Большой тройки более обстоятельно подойти к их обсуждению на конференции в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Именно здесь лидерам трех ведущих держав Антигитлеровской коалиции удалось решить вопрос о сроке открытия второго фронта, который назначался на май 1944 г.

Обсуждался вопрос и о будущем послевоенной Германии. Однако, как вспоминал адмирал У. Леги⁴⁹, на конференции «не было достигнуто никакого определенного решения по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно»⁵⁰. Американский президент считал возможным появление на месте рейха пяти стран, международный контроль на Гамбургом, Кильским каналом, Рурской областью и Сааром. Но Сталин с недоверием отнесся к таким планам и избегал брать на себя какую-либо инициативу в вопросе. Он высказался за установление в Германии союзнического контроля над основными стратегическими пунктами и ликвидацию самой возможности будущей германской агрессии. Более того, опасаясь организации нового антисоветского кордона, он прохладно отнесся к предложениям западных лидеров о создании в Европе различных конфедераций государств (например Дунайской). Сталин поднял вопрос о возможности передачи СССР незамерзающих портов на Балтийском море, в частности — Кенигсберга. В итоге, германский вопрос (как это случилось и на Московской конференции министров иностранных дел) было решено отложить и передать на обсуждение Европейской консультативной комиссии.

Лидеры трех держав затронули сложнейшую польскую проблему, включающую будущее политическое устройство этого государства и прохождение его границ. У. Леги подчеркивал, что во время Тегеранской конференции «проблема польских границ подробно не обсуждалась. После того как все в той или иной мере признали в качестве восточной границы Польши линию Керзона — Рузвельт, правда, конкретного согласия не дал, — вопрос о западных границах остался нерешенным, хотя три руководителя в принципе согласились, что Польша должна получить часть германской территории как компенсацию за тот район, который должен был остаться у России...»⁵¹.

30 ноября в день, когда Рузвельт объявил Сталину о сроках открытия второго фронта, на конференции был поднят вопрос и свободного выхода СССР к теплым морям. Причем инициатором обмена мнениями выступил не советский лидер, а британский премьер, сказавший, что СССР должен получить доступ к «незамерзающим портам». Сталин согласился с этим, добавив, что, по его мнению, надо было «пересмотреть вопрос и о режиме турецких проливов» — то есть выхода России из Черного моря, подчеркнув, что СССР «заперт также и на Дальнем Востоке», так как важнейшие проливы там контролируют японцы. Говоря о Дальнем Востоке в целом, Сталин не возражал против создания независимой Кореи и возвращения Формозы и Маньчжурии Китаю. После этого в разговор вступил Рузвельт, заостривший внимание на своей идее свободных портов. «На Дальнем Востоке, — по его мнению, — таким портом мог бы быть Дайрен». На возражение Сталина, что этим возможно будет недоволен Китай, Рузвельт ответил, «что Китай с этим будет полностью согласен». В конце дискуссии Черчилль заявил: «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий»⁵².

Понятно желание Черчилля видеть Великобританию мощным и равноливающим членом коалиции великих держав. Но не будем забывать, что Черчилль говорил о Дальнем Востоке, где британские позиции за последнее время сильно пошатнулись. На роль главного арбитра в этом регионе претендовали США. В отношении европейских дел Черчилль предпочел выдержать паузу.

На Тегеранской конференции лидерам западных стран стало ясно, что лично для себя Сталин уже закрыл тему включения Прибалтики в состав Советского Союза. Как отмечает М. Гилберт, Черчилль, вернувшись из Тегерана, сообщил Идену: «когда Сталин говорил о Восточной Пруссии и Кенигсберге, он ничего не сказал о прибалтийских государствах, которые останутся под русским контролем при любых обстоятельствах», — и добавил: «запросы русских никак не выходят за пределы границ бывшей царской России, а в ряде случаев они заметно меньше»⁵³.

В Тегеране, в ходе личного контакта с советским лидером, свой окончательный подход к вопросу о прибалтийских республиках выработал и Рузвельт. Фактически, это было одобрение их вхождения в состав СССР, обусловленное желанием проведения там послевоенного плебисцита. Рузвельта особо не интересовали формы этого плебисцита и контроль над ним. Ему нужно было формальное согласие Сталина, которое он мог бы использовать для успокоения общественного мнения американцев и прежде всего выходцев из прибалтийских государств. 1 декабря 1943 года, учитывая предстоящие выборы, в разговоре со Сталиным, Рузвельт заявил, «в Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году. Сталин ответил, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», что, конечно, по его мнению, не означало, «что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля»⁵⁴. Рузвельт с этим согласился.

На последнем этапе Второй мировой войны, 1944–1945 гг., прибалтийский вопрос отошел в тень. Сталин считал его решенным, полагая, что американский президент будет вполне удовлетворен такой формой волеизъявления народов Прибалтики, как участие в выборах в Верховный Совет СССР, что де-факто доказывало желание населения Эстонии, Латвии и Литвы находиться в составе Союза ССР. Действительно, вскоре после войны, в феврале 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в феврале 1947 г. состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, в которых приняло участие подавляющее большинство их коренного населения. Что касается дальнейшей американской позиции по отношению вхождения Прибалтики в состав СССР, то Вашингтон официально не признавал этого свершившегося факта, хотя и не выступал открыто против. Подобная позиция американского руководства была обусловлена прежде всего фактом изменившейся ситуации на фронтах войны и в целом на международной арене. Рузвельт продолжал популяризировать свою идею о «4-х полицейских». Но он, как опытный политический деятель, не мог не понимать, что только два из них — США и СССР — после войны будут реально располагать всем спектром военно-политических рычагов для бескомпромиссной защиты своих интересов. Если все главные вопросы послевоенного устройства мира

будут решаться в Вашингтоне и Москве, следовательно надо договариваться с СССР, втягивать его в решение проблем, имеющих глобальное значение, уходя от жесткой постановки вопросов о его собственных границах и сфер влияния в Восточной Европе. Как вспоминал К. Хэлл, осенью 1943 г. Рузвельт и его ближайшие помощники, к которым относил и себя, «хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей, хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны, сгруппированными вокруг создания организации по поддержанию мира. Но мы не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией»⁵⁵. Как Рузвельт, так и его ближайшее окружение, действительно, считали, что СССР выйдет из войны одной из самых могущественных держав. Однако, что стратегия привлечения СССР к разрешению широких международных проблем приносила США значительный выигрыш по времени, позволяла сохранить западный образ жизни в наиболее развитых европейских странах, а в перспективе давала Америке шанс расширить свое военное и экономическое влияние в различных уголках планеты и добиться единоличного контроля над всем миром. Первым шагом к достижению подобной цели был разгром нацистской Германии.

После высадки англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. сотрудничество держав Большой тройки достигло пика своего развития, причем одно из ведущих мест в дискуссиях Сталина, Рузвельта и Черчилля занимало будущее восточно-европейских государств и их границ.

Информация о том, что представлял из себя в то время американский политический Олимп, какие оценки относительно будущего сотрудничества с СССР, в том числе в европейских делах, существовали у самого Рузвельта и в различных правительственных кругах была представлена в докладе посла СССР в США А. А. Громыко наркому иностранных дел В. Молотову от 14 июля 1944 г. К тому времени, советский посол успел достаточно хорошо изучить механизм принятия решений в американском руководстве, знал позицию государственных и общественных деятелей в вопросе о сотрудничестве с СССР. Так, Громыко отмечал, что, несмотря на поддержку Конгрессом США курса Рузвельта в отношении СССР, некоторые республиканцы открыто выражают свои симпатии к лондонским полякам и «всячески поносят Рузвельта, пытаясь заставить его встать на сторону Польского Правительства и поддержать притязания последнего по территориальному вопросу», а сам Рузвельт также учитывает мнение польского меньшинства. «Объясняется это в значительной степени политическими соображениями, связанными с предвыборной кампанией. Рузвельт пытается удержать галса американских поляков за собой в предстоящих

выборах (ноября 1944 г.)». Особо в этой связи советский посол подчеркнул, что американские католики поддерживают эмигрантское правительство в Лондоне и распространяют антисоветскую пропаганду.

Громыко добавлял, что в некоторых официальных и деловых кругах США были распространены сомнения по поводу судьбы некоторых стран Европы. Эти круги «они считают, конечно, неизбежным усиление влияния Советского Союза в Польше, Германии, Финляндии, на Балканах, а также в других странах Европы. Однако больше всего их тревожит мысль о возможных социальных переворотах в европейских странах, могущих произойти в результате усиления влияния Советского Союза в Европе в ходе войны»⁵⁶.

Касаясь линии Рузвельта на сотрудничество с союзниками, Громыко отмечал, что за это выступает большинство населения Америки. Твердую позицию в этом вопросе занимает Демократическая партия, и даже «Республиканская партия все более приходит к выводу о необходимости, в интересах же США, сотрудничества с другими странами, и прежде всего с такими крупнейшими странами мира, как Советский Союз и Британская империя»⁵⁷.

Громыко подчеркивал также, что в течение определенного времени США будут, безусловно, заинтересованы в сохранении мира по причине огромного усиления в ходе войны их военного и экономического потенциала. Однако в этой части доклада он сделал, пожалуй, одно из наиболее важных замечаний, которое касалось объективного положения дел и не зависело от личности президента. «США за годы войны значительно увеличили производственный аппарат, — отмечал посол. — Американская промышленность... сделала также большой технический прогресс. Ввиду этого деловые круги США считают, что, несмотря на высокий прожиточный минимум в стране, другие страны не в состоянии будут после войны выдерживать конкуренцию с промышленностью США и что Соединенные Штаты в этом отношении будут находиться в преимущественном положении по сравнению с другими странами... [США] будут, безусловно, заинтересованы в использовании в максимальной степени в мирной обстановке тех выгод и преимуществ, которых они уже добились и которых еще добьются в ходе войны». Громыко подчеркивал также, что «в этом свете только и можно понять готовность Соединенных Штатов принять активное участие в международной организации по поддержанию мира и безопасности»⁵⁸.

По поводу позиции США в так называемом «прибалтийском вопросе» и в целом участия СССР в послевоенном устройстве Европы Громыко писал: «Правительство Рузвельта считает, что вопрос о прибалтийских странах решится сам собой при освобождении этих стран Красной Армией. ... Тем не менее время от времени антисоветская пресса, а также представители национальных прибалтийских меньшинств в США могут и впредь жевать

прибалтийский вопрос». Посол далее отмечал, что после заявления Москвы по поводу Румынии о том, что СССР не имеет намерения менять политический строй этого государства, беспокойство официальных и деловых кругов США относительно тех стран Восточной Европы, куда вошли или в скором времени должны были войти советские войска несколько улеглось. «Однако, — замечал посол, — оно не устранило существующих подозрений в отношении СССР и не устранило тревогу за судьбу, в частности, балканских стран»⁵⁹.

Расширение сферы советского влияния в Юго-Восточной Европе не входило в планы западных стран и прежде всего Великобритании, неразрешенным вопросом оставался также контроль со стороны СССР над стратегическими проливами Босфор и Дарданеллы. Авторитет СССР среди балканских народов заставлял Лондон думать об ослаблении здесь позиций Москвы. Позиция Великобритании нашла в последующем полную поддержку со стороны США. Понимая, что не в силах влиять на политический курс и социальный строй Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Лондон и Вашингтон приложили максимум усилий для того, чтобы запирающие выход в Средиземное море Турция и Греция оставались в сфере западного влияния.

По мере успешного продвижения Красной Армии к своим границам на центральном направлении — ведущим через Польшу непосредственно к сердцу Германии, интересы Москвы и западных союзников все больше обращались именно к этому региону Европы. И именно Польша явилась своеобразным тестом на прочность всего военного и политического авторитета Запада в противовес СССР.

В дискуссии союзников по польскому вопросу решило вмешаться само польское эмигрантское правительство. 1 августа 1944 года, в оккупированной немцами Варшаве вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание, инициированное руководителями Армии Крайовой в рамках разработанного эмигрантским правительством плана освобождения польской столицы до момента вступления в нее частей Красной Армии. Восстание было слабо подготовлено и ко 2 октября потерпело поражение. В ходе боев и террора немецких оккупантов погибло около 200 тыс. чел., а Варшава была почти полностью разрушена. В этой связи, 5 сентября 1944 г. Москва направила Лондону официальное послание, возлагая ответственность «за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего на польское эмигрантское правительство»⁶⁰. На казалась бы безоблачном небе союзнических отношений, установившихся после 6 июня 1944 г., появились признаки надвигающейся грозы.

Такой поворот событий стал предметом тщательного анализа и в американском правительстве. Известно, что Государственный департамент, руко-

водители ряда государственных, военных и разведывательных подразделений США в этот период войны все настойчивей старались убедить Рузвельта в необходимости перехода к бдительной и формальной политики в отношении СССР, когда речь заходила об определении дальнейшей судьбы ряда восточноевропейских государств⁶¹. Их выводы и советы базировались в том числе на информации, поступавшей от американского посла в Москве А. Гарримана. 9 сентября он писал в телеграмме Г. Гопкинсу: «Советы совершенно игнорируют наши интересы и не желают обсуждать даже насущные вопросы». Упомянув о нежелании русских продолжать операцию «Фрэнтик»⁶², о запрете на доступ американских представителей в Румынию и ряд других нерешенных проблем, посол особо отметил: «Теперь же я чувствую, что те, кто выступает против нашего взаимодействия, уже оформили свою позицию. ... Советские требования к нам становятся все настойчивей... Общее настроение [советских официальных лиц] следующее — американцы обязаны помогать России, поскольку именно Россия выиграла эту войну для Америки.

Я убежден, что мы можем изменить эту тенденцию. Но это произойдет только в том случае, если мы существенно изменим всю нашу политику в отношении советского правительства. Представляется, что Советы неправильно воспринимают нашу генеральную линию по отношению к ним. Они считают ее за проявление нашей слабости.

Пришло время, когда мы должны прояснить нашу позицию и высказать то, что мы ожидаем получить от Советов взамен проявленной с нашей стороны доброй воли. Иначе настанет такая ситуация, когда они начнут задираться везде, где у них существуют интересы. Их политика, несомненно, распространится на Китай и Тихий океан, когда они обратят свое внимание на этот регион. Не должно быть никаких письменных соглашений с Советами по каким-либо существенным вопросам, если в них не будет предусмотрено признание Москвой интересов других народов и политики взаимной выгоды»⁶³.

В октябре 1944 г. Гарриман был назначен представителем президента США на переговорах между Сталиным и Черчиллем в Москве, в ходе которых было заключено так называемое «процентное соглашение»⁶⁴ относительно распределения сфер влияния на Балканах⁶⁵. Американскому послу в СССР Гарриману не удалось присутствовать на той встрече между Сталиным и Черчиллем. Однако как Черчилль, так и Иден информировали его по ходу дела о содержании имевших место дискуссий. Рузвельт отрицательно относился к тому, чтобы какие-либо соглашения о распределении сфер влияния на континенте (в частности на Балканах) решались за его спиной. 4 октября 1944 через Гарримана президент направляет Сталину следующее послание: «Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованному вопросу».

В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с Премьер-Министром как предварительные к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах. При настоящих обстоятельствах я предлагаю, если Вы и Премьер-Министр это одобрите, чтобы мой Посол в Москве присутствовал на вашем предстоящем совещании в качестве наблюдателя от меня»⁶⁶. Интересна приписка Рузвельта сделанная персонально для Гарримана. «Вы должны иметь в виду, что нет ни одного вопроса — подлежащего, как я предвижу, обсуждению между Маршалом Сталиным и Премьер-Министром, которые не интересовали бы в высшей степени и меня. ...Сразу же после окончания переговоров, я жду Вас у себя. В ходе наших бесед Вы, конечно, будете иметь полную возможность проинформировать меня и мистера Хэлла о текущих делах и дать необходимые советы»⁶⁷.

Показательно, что Рузвельт стремился к тому, чтобы вопрос о будущем европейских (в т.ч. балканских) стран решался только при участии трех великих держав. Тем самым он показывал заинтересованность США в разрешении спорных ситуаций, даже если вопрос о «сферах влияния» на Балканах волновал прежде всего Россию и Великобританию. Речь могла идти как об экономическом, так и военном присутствии американцев в этой части Европы, выполнении ими функций посредника в конфликтных ситуациях. Соблюдение баланса сил в «пороховом погребе Европы» — в данном случае между СССР и Великобританией — оставалась актуальной задачей, и решить ее могла только третья, независимая в своих действиях великая держава. Для США наступало время примерить на себе мундир европейского арбитра, который долгое время носила Англия, а в середине XIX века пыталась заполучить и Россия. Подобная роль неизбежно вела к усилению американского политического, а следовательно и экономического влияния в регионе. Заслон такому влиянию со стороны СССР (экономика которого была слабее американской и к тому же пережила тяжелейшую войну) мог быть поставлен только с помощью радикальных изменений социально-политического строя в государствах, находившихся в сфере его интересов. Во всяком случае, Москва была заинтересована в официальном подтверждении своего влияния на Балканах, в то время как Вашингтон противился этому. И если этот регион невозможно было сразу поставить под международный контроль, то подготовка пространства для политических маневров в будущем, создание условий, при которых возможно в нужный момент блокироваться с одной из сторон ради сохранения и укрепления своих интересов, была для США ключевой.

Так оно в дальнейшем и случилось. В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции три державы приняли Декларацию об освобожденной Европе,

в которой, в частности, содержалось обязательство обеспечить ее народам создание демократических учреждений по их свободному выбору. Как отмечал Гарриман в телеграмме госсекретарю США в конце 1945 г., «Великобритания и Соединенные Штаты руководствовались принципами, изложенными в этой Декларации, и поэтому оба этих правительства выступили против тех акций, которые Советы предприняли в Румынии и Болгарии (имелось в виду поддержка прокоммунистических сил этих стран). В Потсдаме главы делегаций США и Великобритании заняли совместную позицию о непризнании образованных к тому времени правительств Румынии и Болгарии. Эта позиция была подтверждена и на конференции в Лондоне...»⁶⁸. В то же время Турция и Греция после войны полностью попали под влияние западных союзников, а вскоре на их территории появились военные базы, нацеленные против Советского Союза. Такую позицию США и Великобритании можно назвать вполне закономерной. Противостояние интересов СССР и западных держав полным ходом скатывалось к холодной войне, в которой противники должны были ослаблять друг друга на всех направлениях и с использованием самого широкого спектра военно-политических, экономических и идеологических методов борьбы. Но первый шаг к определению позиции США в балканских делах был сделан еще в октябре 1944 г. — то есть еще при жизни Рузвельта.

Весьма ценную информацию о взглядах американского президента в конце 1944 г. мы находим в меморандуме А. Гарримана о встречах с президентом между 24 октября и 18 ноября 1944 г.⁶⁹

Во время первой встречи с президентом Гарриман имел возможность рассказать президенту о деталях визита премьер-министра Черчилля в Москву. Рузвельт, по свидетельству Гарримана, выказал малую заинтересованность в восточноевропейских делах, считая «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...». В одной из последующих бесед, уже после выборов, Рузвельт сказал, что хотел больше времени посвятить тихоокеанскому региону.

Вторая беседа Гарримана с Рузвельтом произошла вскоре после выборов, 9 ноября. В части беседы, посвященной польскому вопросу, «президент стал развивать фантастическую идею о том, что Сталин мог бы согласиться с предложением оставить город Львов Польше. Город будет представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей». Посол постарался объяснить президенту, что невозможно иметь капиталистический город посреди социалистической страны. На что Рузвельт ответил, что «крестьяне могли бы приезжать в город и продавать там свою продукцию за рубли». Гарриман возражал, что в СССР большая часть распределения фер-

мерской продукции контролируется государством, что ее свободная продажа в городе невозможна, не говоря уже о других чисто политических трудностях. Он убеждал президента до тех пор, пока Рузвельт не сказал, что «все это ему надоело», а посол «просто не желает помечтать вместе с ним».

Во время третьего разговора с Рузвельтом, 10 ноября, Гарриман получил возможность обсудить с президентом планы Сталина относительно участия Красной Армии в войне на Тихом океане, о предполагаемой кампании русских и сроках их выхода из Китая после окончания боевых действий.

Снова с президентом Гарриман встретился 17 ноября. Рузвельт вновь высказался о том, что русские все же «могли бы сделать жест доброй воли в отношении передачи Львова полякам». Гарриман более подробно объяснил президенту, почему Сталин не пойдет на такой шаг. «Сталин прекрасно понимает, что нельзя вначале внедрить социализм на какой-либо территории, а затем отменить его. Единственно надежным способом погасить ростки предубеждения и ненависти между поляками и русскими — это основать формальные и дружественные отношения между Польшей и Россией. Но наибольшую опасность для этого процесса будет иметь как раз неразрешенный вопрос о границе. Он станет служить постоянным раздражителем во взаимоотношениях между двумя странами. Вот почему Сталин хочет определиться с этим вопросом именно сейчас».

Президент, как показалось Гарриману, «первый раз за все время уловил эту мысль и добавил, что не имел бы никаких возражений против «линии Керзона», если сами поляки, русские и англичане пришли бы к взаимному соглашению относительно этого вопроса. Однако, поскольку Миколайчик хочет, чтобы он (президент) был посредником, то он одобрил бы обращение Гарримана к Сталину, в котором тот постарался бы объяснить советскому лидеру, почему было бы лучше, если бы Львов передавался Польше...»

Последняя беседа Гарримана с президентом во время его пребывания в Вашингтоне произошла 18 ноября. На ней присутствовал также Г. Гопкинс. В процессе дискуссии президент сказал, что он не беспокоится за график союзных операций на Тихом океане. Однако, по его мнению, «разгром Японии без помощи России стал бы чрезвычайно тяжелой задачей, решение которой потребовало бы большой крови», уточнив, что США «должны сделать все возможное, чтобы помочь Сталину в его планах». В конце своего меморандума о встречах с президентом Гарриман сделал ряд существенных примечаний: прежде всего, ему показалось, что во время встреч с президентом он «не смог убедить того в необходимости поддержания бдительной и формальной политики, когда речь шла о развитии политической ситуации в ряде восточноевропейских государств. Однако Государственный департамент, — подчеркивал Гар-

риман, — отлично понимает необходимость такой политики, без которой вся Восточная и Центральная Европа могут оказаться под влиянием, если не под полным контролем Советской России». Кроме того, посол вспоминал, что «при нашей [его и Рузвельта] встрече в мае 1944 г., президент сказал мне, что его не беспокоит проблема — будет или нет в странах, граничащих с Советским Союзом, введен коммунистический режим. В своих телеграммах президенту, которые я посылал ему в течении лета 1944 г., я старался прояснить свою позицию. Однако во время наших последних бесед, мне не удалось заострить его внимание на этом вопросе...»⁷⁰.

Как видно из вышеприведенного документа, в польском вопросе Рузвельт не собирался идти на открытый конфликт со Сталиным и не форсировал его окончательное разрешение. Пока идет война, и русские уничтожают германскую военную мощь, было бы неразумно ссориться с СССР из-за Польши. В октябре 1944 г. президент неожиданно порекомендовал премьеру эмигрантского правительства, посетившему Вашингтон накануне отъезда на переговоры в Москву (происходивших во время визита в СССР У. Черчилля), «оттянуть любое урегулирование о границах». Со своей стороны, госсекретарь США Э. Стеттиниус разъяснил полякам, что хотя в настоящий момент американцы не могут занять твердую позицию против СССР, «в недалеком будущем политика Вашингтона изменится, вернется к своим основным моральным принципам и сможет сильно и с успехом поддержать Польшу». Бережков полагал, что рекомендации Рузвельта Миколайчику отклониться в то время от договоренности по границам были связаны с предвыборной ситуацией, желанием показать американцам польского происхождения «жесткую» позицию США в польском вопросе. На телеграмму польского премьера из Москвы с просьбой поддержать позицию лондонских поляков, Рузвельт ответил лишь 17 ноября, то есть уже после президентских выборов. В тексте содержалась сухая констатация, что США поддержит любую договоренность, которую польское эмигрантское правительство достигнет с Советским Союзом⁷¹.

Вместе с тем в американском правительстве существовало большое количество ответственных лиц, которые выступали за активное противодействие требованиям Москвы. Рузвельт не мог не учитывать жесткую позицию в польском вопросе Госдепартамента, американского посольства в Москве, влиятельных общественных деятелей США. Поэтому проблемы польских границ и нового правительства Польши были обречены остаться одной из главных тем в дискуссиях между союзниками.

Представляется, что подчеркнутая Гарриманом «малая заинтересованность Рузвельта в восточноевропейских делах» основывалась на прагматичных соображениях и была тактическим маневром последнего. К тому времени Красная Армия, пройдя

по территории Румынии и Болгарии, выведя из войны Финляндию, вела бои на территории Польши, Венгрии, Словакии, Югославии. Перспективы же развития операций союзных англо-американских войск вызвали в то время серьезные опасения. Не самые веселые настроения присутствовали и в голове Черчилля, когда он, направляя 6 декабря свое очередное послание Рузвельту, отмечал: «Хотя на западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед... фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад. Мы еще не достигли Рейна в северной части и на самом важном участке фронта и должны будем вести крупнейшую битву еще много недель, прежде чем сможем надеяться достичь Рейна и создать там свои плацдармы. Но и тогда нам придется продвигаться дальше к Германии... К счастью, мы можем учитывать намерения русских. Сталин обещал нам провести зимнюю кампанию, которая, как я предполагаю, начнется в январе»⁷².

В конце 1944 — начале 1945 г. вопрос о Польше и ее послевоенном устройстве в межсоюзнических отношениях продолжал обостряться. В начале декабря достаточно нелицеприятными посланиями относительно судьбы будущего польского правительства обменялись Черчилль и Сталин. 3 декабря британский премьер писал советскому лидеру, что отношение англичан к любой новой власти в Польше будет корректным, хотя и холодным.

Сталин 8 декабря ответил, что «министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским народом. В то же время Польский Комитет Национального Освобождения⁷³ сделал серьезные успехи в укреплении своих национальных, демократических организаций на территории Польши...»⁷⁴.

В середине декабря немецкие войска начали свое последнее крупное контрнаступление на Западном фронте, нанеся 16 декабря 1944 г. внезапный удар в Арденнах. Силы союзников были поставлены в тяжелое положение. Ставка ВГК, передвинула сроки начала зимнего наступления Красной Армии с 20 на 12 января. И хотя к тому времени союзникам в основном удалось отразить немецкий удар, начавшееся советское наступление буквально обрушило весь германский фронт на Висле. Уже в начале февраля 1945 г. части Красной Армии, пройдя по территории Польши, вышли к Одере. До столицы Третьего рейха им оставалось всего 60 миль. Теперь советские войска контролировали практически всю довоенную Польшу, вновь продемонстрировав союзникам мощь своих наступательных возможностей. Сравнение русского зимнего наступления с положением англо-американских сил на Западе выглядело не в пользу последних. Именно на этом фоне начала работу Ялтинская

(Крымская) конференция лидеров трех великих держав (4–11 февраля 1945 г.).

Накануне этого события в Москве, Лондоне и Вашингтоне шла активная подготовка к предстоящему обсуждению как военных, так и политических вопросов, включая будущее устройство государств Восточной Европы.

Информация из американского посольства в Москве имела большое значение для внешнеполитического ведомства США. Так, еще 10 октября 1944 г. советник посла Дж. Кеннан направил в Государственный департамент телеграмму, в которой изложил свое видение польской ситуации. Рассмотрев варианты экономического и финансового участия западных стран в восстановлении Польского государства, Кеннан выступил против конфронтации с СССР в деле будущего социально-политического устройства Польши. По его мнению, было бы гораздо выгоднее признать здесь интересы СССР, получив тем самым преимущество в диалоге с Москвой относительно других частей Европы и в вопросе создания международной системы безопасности⁷⁵.

При этом Кеннан, также как и Рузвельт, не видел перспектив противостоять СССР в сложившихся обстоятельствах, но не упускал из виду экономическую составляющую в будущем устройстве Европы — т. е. возможность использовать свои финансовые рычаги для последующего возвращения в лоно Запада уходящих в орбиту Советского Союза восточноевропейских государств. Уйти, чтобы вернуться — так, наверное, можно охарактеризовать его пока черновые наброски, легшие в основу ряда телеграмм в Госдепартамент с призывом к ограничению сфер влияния Москвы

На переговорах в Крыму лидеры трех стран подтвердили, что вооруженные силы СССР, США и Великобритании займут свои зоны оккупации Германии, причем Берлин будут выделен в особый район с совместным оккупационным режимом. Было принято решение о создании Контрольного совета по Германии в составе главнокомандующих трех держав, куда предполагалось пригласить также и Францию.

Конференция не решила вопроса о расчленении Германии⁷⁶. В отношении репараций с Германии первоначально обсуждалось предложение о 20 млрд. долларов, выдвинутое советской стороной. Однако британцы были против. В итоге, участники переговоров договорились лишь о формах изъятия репараций. Среди них указывались единовременные поставки в течение первых двух послевоенных лет (с целью уничтожения военного потенциала страны), ежегодные поставки текущей продукции, использование труда немцев.

Самые тяжелые дискуссии между участниками конференции развернулись по вопросу о Польше. Несмотря на то, что реальный контроль на территории Польши могли осуществлять теперь лишь про-советские силы, в Лондоне и Вашингтоне не теряли

надежды на реорганизацию польского руководства. При обсуждении этого вопроса Рузвельт отметил, что не возражает против «линии Керзона», но его положение было бы гораздо легче, если бы СССР дал возможность полякам сохранить «лицо», уступив им на южном участке этой линии (Рузвельт, несомненно, имел в виду Львов). Видимо, это была последняя попытка Рузвельта убедить Сталина скорректировать границу в выгодном для себя направлении. Однако благодаря твердости советской делегации было принято решение о том, что «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Таким образом Львов оставался за СССР, но к Польше отошли ряд пограничных районов, включая г. Перемышль (Пшемысль), и Белостокская область⁷⁷. В то же время на Ялтинской конференции главы трех правительств признали, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе». Окончательное определение границы Польши было решено отложить до мирной конференции. Через несколько месяцев Потсдамская конференция трех держав закрепила Западную (Лаузитскую) Нейсе как западную границу Польши. Таким образом, территория Польши существенно расширилась за счет бывших германских областей.

Остро в Ялте стоял вопрос и о создании нового польского правительства. И здесь Рузвельт заметил, 6 февраля 1945 г. что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство, так как народу Соединенных Штатов кажется, что люблинское правительство представляет лишь небольшую часть польского народа...». Это мнение президента США поддержал Черчилль, отметив, что вопрос о Польше является для британцев «делом чести». Сталин со своей стороны заявил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей... Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». Чтобы этого больше не произошло, подчеркнул Сталин, необходимо создание сильной, мощной и независимой Польши.

Советский лидер обратил внимание, что руководители варшавского правительства (после освобождения польской столицы в январе 1945 г. члены т. н. просоветского люблинского правительства переехали в Варшаву) — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский не хотят слышать об объединении с лондонцами. Сталин подчеркнул, что он готов сделать все возможное для объединения поляков, но прежде всего он считал, что правительство страны,

освобожденной Красной Армией, должно обеспечить на своей территории порядок, предотвращение гражданской войны в тылу советских войск⁷⁸.

Рузвельту ничего не оставалось делать, как выдвинуть предложение отложить обсуждение польского вопроса. От того станет ли будущая Польша прозападной или просоветской зависело очень многое. В плане геополитическом возникал вопрос, будет ли она частью кордона, сдерживающего СССР или напротив — важнейшей частью пояса безопасности СССР. В плане идеологическом просоветская Польша в случае успешного восстановления экономики и улучшения качества жизни населения могла стать примером для других европейских стран в вопросе о выборе путей своего дальнейшего развития. Но в данных обстоятельствах у Вашингтона и Лондона существовал единственно возможный вариант — оставить польский вопрос в подвешенном состоянии, продолжая требовать создания коалиционного правительства. Отсутствие реальных перспектив перетянуть Польшу на свою сторону в настоящее время не означало, что такие перспективы не могли появиться в дальнейшем. В итоге всех дискуссий было принято следующее решение:

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным правительством Национального Единства...»⁷⁹.

Дискуссии о новом польском правительстве и его политическом курсе стали одной из причин обострения отношений между ведущими членами Антигитлеровской коалиции на заключительном этапе Второй мировой войны. Западные руководители, критикуя советскую позицию, занятую в отношении состава польского правительства, апеллировали, в том числе к «Декларации об освобожденной Европе», также принятой на Ялтинской конференции, которая декларировала «создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа...»⁸⁰.

Слова Декларации о создании в европейских странах «демократических учреждений, представляющих все демократические элементы населения» как бы резервировали за США и Великобританией возможность будущего несогласия с политическими мероприятиями Москвы в соседних восточноевропейских странах. Вскоре после Ялты и еще до смерти

президента Рузвельта такое несогласие стало объективной реальностью, оказывающей все большее воздействие на весь комплекс межсоюзнических отношений. Главным камнем преткновения оставалась Польша и состав ее Временного правительства. Конкретная работа по его созданию была возложена на т. н. «комиссию трех» из представителей СССР, США и Великобритании. Москва, не без основания воспринимая ялтинские решения по Польше как свой успех, активно поддерживала укрепление в стране власти «люблинских» (теперь уже «варшавских») поляков, правительство которых было признано Москвой еще в январе 1945 г.

Оценки такой политики англичанами и американцами становились все более жесткими. Понятно, что Черчиллю не могло не удовлетворять занятие США более жесткой линии к СССР, что позволяло Лондону надеяться на сохранение в будущем с помощью Вашингтона европейского равновесия и учета британских интересов. Однако Рузвельт размышлял более широкими категориями. В письме Черчиллю 29 марта 1945 г. он довольно откровенно изложил свое мнение о действиях Москвы после Ялтинской конференции. Рузвельт остро чувствовал приближение опасности как для решения текущих проблем, так и для хода конференции в Сан-Франциско⁸¹ и будущего всемирного сотрудничества. Соглашаясь с Черчиллем о необходимости выполнения обязательств, взятых в Крыму, в то же время он считал нужным показать советскому правительству «исключительно большую важность такого же отношения с его стороны». Особенно его волновали переговоры о Польше.

Рузвельт отметил, что это был «компромисс между советской позицией, смысл которой состоит в том, что люблинское правительство просто должно быть «расширено», и нашим мнением, суть которого заключается в том, что следует начать все сначала и содействовать формированию совершенно нового польского правительства». В заключении он согласился с Черчиллем, «что пришло время поставить непосредственно перед Сталиным вопрос о более широких аспектах советской позиции (особенно отнегив польскую проблему)»⁸².

1 апреля категоричное по форме послание от Рузвельта получил уже сам Сталин. «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу»⁸³.

Повод выразить свое возмущение вскоре появился и у Сталина. Речь идет о так называемом «бернском инциденте», возникшем в связи с секретными переговорами представителей США и Великобритании с эсэсовским генералом Карлом Вольфом, действовавшим по поручению высшего руководства Третьего рейха, на которых шла речь

о возможной капитуляции немецких войск в Италии перед англо-американскими силами. Вольф встретился с руководителем американской разведывательной резидентуры в Швейцарии А. Даллесом 8 марта 1945 года. Москва была уведомлена о встречах своих союзников с немцами только 12 марта. Она в принципе не возражала против них, но при условии участия в переговорах советских представителей. Однако это условие было отвергнуто. Более того, Рузвельт попытался представить переговоры в Швейцарии как обычный зондаж о намерениях германского командования, после чего и произошел жесткий обмен посланиями между Сталиным и Рузвельтом.

5 апреля Черчилль отправил президенту США телеграмму, в которой настаивал на занятии еще более жесткой позиции к СССР. «... Я почти уверен, — говорилось в телеграмме, — что советские лидеры, кто бы это ни был, удивлены и расстроены быстрым продвижением союзных армий на западе и почти тотальным поражением противника на нашем фронте, особенно потому, что, как они сами говорят, они не смогут нанести решающий удар до середины мая. Все это делает особенно важным, чтобы мы встретились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили в Берлин... Мне представляется исключительно важным, чтобы наши страны в данной ситуации заняли твердую и жесткую позицию, с тем чтобы прояснить обстановку и чтобы русские поняли, что нашему терпению есть предел»⁸⁴.

Как видно из этого послания, Черчиллю волнует, прежде всего, послевоенный расклад сил в Европе. Положение на Западном фронте к этому времени решительным образом изменилось, и от прошлого пессимизма британского премьера конца 1944 года не осталось и следа. Он видит возможность использования в политических целях успехов англо-американских войск, которые не допустили бы Красную Армию в самый центр Европы, и пытается заручиться в этом деле полной поддержкой Рузвельта.

Реакция Рузвельта была довольно сдержанной. Берлин, Вена, другие европейские столицы — конечно же, являлись важными стратегическими центрами, и Рузвельт не мог не понимать этого. Но кто мог предсказать тогда реакцию Советского Союза, стремившегося по праву державы, внесшей наибольший вклад в победу, триумфально войти в столицу Третьего рейха? В конце концов, Рузвельт не стал вмешиваться в распоряжения генерала Эйзенхауэра, который, несмотря на настойчивые призывы Черчилля, так и не отдал приказ о нанесении удара по Берлину. Расчет американского президента был более тонким, а прогноз дальнейшего развития событий более обоснованным.

В любом случае, у Рузвельта, в отличие от Черчилля, в плане дальнейшего участия США в европейской политике и будущего взаимодействия на этом пространстве с СССР были куда более круп-

ные козыри. Во-первых, возросшая экономическая мощь США и расширение поля деятельности связанного с нею банковского капитала. На восстановление европейских стран, их дальнейшего социально-экономического развития необходимы были огромные средства, и у Америки их было намного больше, чем у СССР. Соревнование двух систем на европейском пространстве только началось, и было понятно, что Соединенным Штатам будет намного легче справиться с послевоенными экономическими трудностями в Западной Европе, чем СССР — в Восточной. Будущее двух систем в Европе могло решиться тогда путем сравнения их достижений самими европейцами в условиях перенапряжения и последующего отставания советской социально-экономической модели.

Во-вторых, в США заканчивалась разработка атомного оружия. И хотя вопрос о его потенциале оставался в то время не до конца ясным, было понятно, что оно будет обладать невиданной ранее разрушительной силой. Рузвельт так и не сказал ничего Сталину об этом оружии и его характере. Неизвестно — собирался ли Рузвельт размахивать этой «дубинкой», как потом его преемник Г. Трумэн. Но сам факт сокрытия атомной бомбы от официальных советских властей говорит, прежде всего, об имевшихся у Вашингтона намерениях использовать ее в качестве средства политического давления. Последующие события второй половины 1945 и 1946 гг., к сожалению, подтверждают эту мысль.

12 апреля 1945 г. Рузвельт ушел из жизни. Безусловно, сами Соединенные Штаты, страны антигитлеровской коалиции, в целом мировое сообщество потеряло в его лице выдающегося политического деятеля, сторонника недопущения на планете новых мировых конфликтов. За время своего нахождения в Белом доме он сделал немало, чтобы американцы стали смотреть на происходящие вокруг них события его глазами — сквозь призму именно его внешнеполитической концепции. Без сомнения Рузвельт был искренен в своем стремлении сделать мир более безопасным, но эта безопасность, конечно, должна была учитывать прежде всего интересы США и работать на укрепление американского влияния во всем мире.

Как стали бы развиваться события, если бы Рузвельт не умер в 1945 г.? Возможно советско-американские отношения не претерпели бы столь резких перемен, как это случилось в конце 1945 г. — начале 1946 гг.? Видимо, да. Но и тогда Рузвельту пришлось бы учитывать объективные тенденции взаимодействия стран на международной арене. Речь идет о геополитических интересах и потенциальных возможностях Соединенных Штатов, использующих свою идеологию в качестве дополнительного рычага в достижении выгодного баланса сил, что в полной мере проявилось уже в ходе Думбартон-Окской конференции (21 августа — 28 сен-

тября 1944 г.). При обсуждении вопроса о порядке голосования в будущем Совете Безопасности ООН, делегация СССР настаивала на том, чтобы решения, относящиеся к предупреждению агрессии, принимались большинством голосов и при согласии представителей всех постоянных членов Совета. Представители же США и Великобритании не соглашались на участие в голосовании страны, непосредственно затронутой спором. Такая позиция западных держав могла поставить присутствие СССР в Совбезе в невыгодное положение. Вопрос был отложен. В последующем в переписке между Рузвельтом и Сталиным был достигнут компромисс, суть которого была в том, что важнейшие вопросы требовали единогласия постоянных членов, для решения процедурных хватало большинства. На учредительной конференции ООН в Сан-Франциско (24 апреля — 26 июня 1945 г.) советской делегации, которую до 8 мая возглавлял В. М. Молотов, а затем А. А. Громыко, удалось отстоять принцип единогласия, а вводимое «право вето» гарантировало, что Совет Безопасности ООН не будет использован каким-либо государством или группой государств в своих целях.

Что же касается США, то к концу войны ликвидация их присутствия на континенте, в том числе военного, могла теперь рассматриваться в Вашингтоне не только в случае воздействия крайне неблагоприятных обстоятельств. О том, что это могли быть обстоятельства говорилось в «Меморандуме о возможном развитии отношений между США и СССР в послевоенное время», разрабатывавшемся в недрах Управления Стратегических служб в апреле — в начале мая 1945 г. Для каждого конкретного примера развития международной ситуации предлагался наиболее подходящий компромисс, основанный на взаимодействии трех держав — США, России и Великобритании. Имеет смысл привести отрывки из пояснительной записки к меморандуму, которую директор УСС У. Донован⁸⁵, приложил 5 мая для нового хозяина Белого дома Г. Трумэна⁸⁶. Некоторые строки говорят сами за себя: «Решающее значение будет иметь такое разрешение германского вопроса, которое будет удовлетворять интересам как СССР, так и Америки, в сфере которой находятся западно-европейские страны. Это обеспечило бы значительный противовес влиянию России. В Меморандуме предлагается сделать все возможное для поддержки в западноевропейских странах экономического благосостояния и популярных демократических режимов, которые во взаимодействии с Великобританией и Соединенными Штатами стремились бы создать баланс позиции России.

Если же военные представители почувствуют, что в ближайшие годы западные демократии не смогут выстоять против России, то возникнет необходимость уйти из Европы и обратить все силы на защиту нашего Западного полушария.

Поэтому, необходимо предусмотреть следующие шаги:

1. Укрепление существующих и организацию новых баз в Атлантике;
2. Организацию совместной оборонной системы для всех американских стран. Этот пункт подчеркивается особо, поскольку побережье Южной Америки открыто для вторжения, и кроме того, она является важным источником сырья для нашей военной промышленности.

Что касается Азии, документ заостряет внимание на следующем обстоятельстве — мы не можем игнорировать тот факт, что после разгрома Японии Россия станет на Дальнем Востоке еще более грозной силой. В меморандуме подчеркивается, что в интересах нашей безопасности будет укрепление американских позиций на островах Тихого океана»⁸⁷.

Рузвельт был сторонником системы коллективной безопасности, критически переосмыслившим деятельность Лиги наций и полагавший, что безопасность народов в будущем должна зависеть, прежде всего, от великих держав. Действительно, альтернативы системы коллективной безопасности, получившей свое воплощение в Уставе ООН, принятом на Сан-Францисской конференции, на тот момент у мирового сообщества просто не существовало. Был создан

реальный орган, ответственный за принятие и контроль важнейших постановлений — Совет Безопасности ООН. Во многом благодаря его работе после 1945 г. мир смог избежать новой глобальной войны.

В то же время процесс суждений Рузвельта о всей системе коллективной безопасности прошел несколько стадий. Непосредственно СССР и его участия в европейских делах, мнение президента США базировалось прежде всего на ее потенциале и непосредственных результатах борьбы с нацистской Германией. После поражения немцев под Москвой Рузвельт стал рассматривать Советский Союз в качестве одного из 4-х послевоенных «полицейских». Советские победы под Сталинградом и Курском заставили Белый дом активизировать работы, связанные с прогнозированием роли СССР в будущем мире. С началом освобождения СССР стран Восточной Европы на суждения президента все большее влияние оказывали как складывавшаяся военно-политическая обстановка, так и мнение членов его окружения — государственных и общественных деятелей, дипломатов, военных. Именно факт становления СССР как одной из двух послевоенных супердержав, предопределил неизбежное столкновение интересов США и СССР, которое проявилось на пространстве Европы.

¹ См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. / науч. рук. О. А. Ржешевский. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. Отв. Ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. М., 2002.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1941. Vol. I. Washington, 1958. P. 766–767.

³ New York Times, 1941. June 24.

⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1, М., 1958, С. 495–496.

⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 482.

⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны» Т. I. М., 1944. С. 147–148.

⁷ Оpubл. в: Ржешевский О. А. Война и дипломатия, 1941–1942. Документы, комментарии 1941–1942. М., 1997 С. 26–28.

⁸ Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 54.

⁹ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / пер. с англ. М., 1995. С. 217–218.

¹⁰ там же, С. 218.

¹¹ Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. М. 2000. С. 91.

¹² Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 180–185.

¹³ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁴ US. Library of Congress. Manuscript Division. W. A. Harriman Papers. (далее WHP) Chronological file (далее CF) Cont. 161.

¹⁵ Комитет по вопросам послевоенных международных отношений был образован при Госдепартаменте США в начале 1942 г. В его работе приняли участие Государственный секретарь К. Хэлл, его заместитель С. Уэллес, помощник Госсекретаря Э. Стеттиниус, а также ряд известных дипломатов: Л. Пазвольский, Х. Ноттер, Н. Дэвис и др. Комитет занимался разработкой вопросов послевоенного мироустройства и исследованиями, касающимися роли США в разрешении различных внешнеполитических проблем. Большой интерес представляют записи Комитета (сделанные, по-видимому, Х. Ноттером), фиксировавшие устные суждения Ф. Рузвельта по вопросам международных отношений.

¹⁶ U.S. National Archive. Archive II., College Park, VA. (далее NA) RG 59. Entry 498. Box 54.

¹⁷ WHP. CF. Cont. 161.

¹⁸ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 110–111.

¹⁹ Там же С. 157.

²⁰ Мальков В. Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 392.

²¹ Кимболл У. «Семейный круг»: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории. 1990, Т. 12. С. 5.

²² Мальков В. Л. Указ. соч. С. 391.

²³ Публ. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2, М., 1958. С. 282–285, 431–432.

- ²⁴ WАНР.СF. Cont 163.
- ²⁵ Буллит У. (1891–1967) американский дипломат, посол США в СССР (1933–1936), посол США во Франции (1936–1941), специальный представитель Президента США на Дальнем Востоке (1941), помощник секретаря Военно-морского министерства (1942–1943).
- ²⁶ N. A. RG 59. Entry 498. Box 54.
- ²⁷ N. A. RG 59. Entry 498. Box 54.
- ²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 650–655. Объединенный комитет начальников штабов разработал и в августе 1943 г. представил на Квебекскую конференцию глав правительств США и Англии план «Рэнкин». Согласно этому плану в случае неожиданно быстрого полного разгрома вооруженных сил Германии Советской Армией англо-американские войска должны были срочно высадиться в Северной Франции и оккупировать возможно большую территорию Европейского континента.
- ²⁹ Поводом для разрыва Москвы с «лондонскими поляками» послужила германская информация о найденных под Катыню (на оккупированной вермахтом территории Смоленской области) могил польских офицеров. Польское эмигрантское правительство поддержало инициированное немцами расследование т.н. «катынского дела», при посредничестве Международного Красного Креста, доказывающего виновность в расстреле поляков Советского Союза. В ответ Москва объявила правительство В. Сикорского в пособничестве нацистской Германии и заявило о необходимости прервать с ним отношения.
- ³⁰ Liddel Hart B. History of the Second World War. L. 1970. P. 488.; Liddel Hart Centre for Military Archives. 9/31/46.
- ³¹ Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. М. 2000. С. 166.
- ³² Robert I Gannon S.J. The Cardinal Spellman Story. N.Y., 1962. P. 222–224.
- ³³ На англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. были приняты важные решения, касающиеся стратегии подготовки вторжения в Европу, координации секретных разработок ядерного оружия и др.
- ³⁴ WАНР.СF. Cont. 164.
- ³⁵ WАНР.СF. Cont. 164.
- ³⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1976. С. 85.
- ³⁷ WАНР.СF. Cont. 164.
- ³⁸ Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. С. 434–435.
- ³⁹ WАНР.СF. Cont. 164.
- ⁴⁰ Печатнов В. О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946) // Новая и новейшая история 2002. № 3. С. 184.
- ⁴¹ В документе Госдепа США от 8 сентября 1943 г., — «Советская политика в отношении Германии» говорилось, что СССР «имеет намерение ограничить военную мощь Германии, чтобы она в будущем уже никогда не смогла угрожать безопасности Советского Союза. Однако СССР выступает против полного разоружения Германии, возможно, из-за своей теории, что „вакуум силы“ между Россией и Западом может стать полем для антисоветских интриг, возможно, из-за того, что считает разоруженную и бессильную Германию способной скорее повернуться на запад, чем на восток, в надежде получить оттуда необходимую экономическую помощь и восстановить свои позиции среди великих держав...». В документе также указывалось, что Москва, по-видимому, против всех планов разделения Германии на несколько мелких государств и собирается компенсировать Польше территориальные потери на востоке за счет предоставления ей взамен немецких земель на западе (имелись в виду земли Восточной Пруссии, Померании и Силезии (см. WАНР.СF. Cont. 164).
- ⁴² WАНР.СF. Cont. 164.
- ⁴³ N. A. RG 59. Entry 498. Box 54.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Cont. 164.
- ⁴⁷ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании... М., 1978. С. 346–348, 358.
- ⁴⁸ WАНР.СF. Cont. 170.
- ⁴⁹ Леги У. (1875–1959) адмирал флота (1944). Во Второй мировой войне — начальник штаба при верховном главнокомандовании вооруженными силами США, одновременно председатель Комитета начальников штабов.
- ⁵⁰ Леги У. Советник двух президентов // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 422.
- ⁵¹ Леги У. Указ. соч. С. 422.
- ⁵² Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 453–456.
- ⁵³ См.: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 404.
- ⁵⁴ Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 453–456.
- ⁵⁵ Хэлл К. Государственный секретарь США вспоминает // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 375–393.
- ⁵⁶ Советско-американские отношения, 1939–1945. Под. ред. Г. Н. Севостьянова; сост. Б. Жилиев, В. Савченко. М., 2004. С. 544–545.
- ⁵⁷ Там же С. 546.

- ⁵⁸ Там же. С. 548.
- ⁵⁹ Там же. С. 552.
- ⁶⁰ Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 460–461.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Кодовое название операции по организации авиационных челночных бомбардировок Германии с использованием в том числе аэродромов в районе Полтавы (1944 г.).
- ⁶³ WАНР. CF. Cont. 174.
- ⁶⁴ Черчилль поставил вопрос о распределении сфер влияния СССР и Британии на Балканах 9 октября 1944 г., во время первой в ходе его визита в Москву встречи со Сталиным. На этой встрече обсуждался также и польский вопрос.
- ⁶⁵ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 418–439.
- ⁶⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945. М., 1984. С. 224.
- ⁶⁷ WАНР. CF. Cont. 174.
- ⁶⁸ *ibid.*
- ⁶⁹ А. Гарриман находился в Вашингтоне с 21 октября по 19 ноября 1944 г. (в этот период прошли выборы президента США) с целью лично высказать Рузвельту свое мнение о необходимости ужесточения американской политики в отношении СССР.
- ⁷⁰ Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 175.
- ⁷¹ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. С. 250–307.
- ⁷² Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 693–696.
- ⁷³ Польский комитет национального возрождения, как прообраз будущего правительства Польши, был создан при поддержке Москвы в июле 1944 г. 24 ноября премьер польского правительства в эмиграции С. Миколайчик подал в отставку из-за отказа членов его кабинета принять линию «Керзона» в качестве основы границы с СССР, произошедшего на фоне отсутствия поддержки со стороны западных держав польских требований о восстановлении границы 1939 г.
- ⁷⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1986. С. 324–325, 328.
- ⁷⁵ WАНР. CF. Cont. 175.
- ⁷⁶ Любопытен тот факт, что, несмотря на создание в 1949 году Федеративной Республики Германии, а затем Германской Демократической Республики, то есть по сути отдельных стран, в 1-м томе Энциклопедического словаря, вышедшего осенью 1953 г., на карте-вклейке «Европа» Германия — в границах включающих ГДР и ФРГ — была обозначена еще как единое государство.
- ⁷⁷ В августе 1945 г. СССР передал Польше 17 уездов (районов) Белостокской области и 3 уезда (района) Брестской области Советской Белоруссии, с общим населением 1,4 млн. чел.
- ⁷⁸ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 499–506.
- ⁷⁹ Известия. 1945. 18 февраля.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Сан-Францисская конференция 1945 года 50-ти государств — учредителей Организации Объединенных наций (ООН), состоялась 25 апреля — 26 июня 1945 г. На ней был выработан окончательный текст Устава ООН.
- ⁸² Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 777–779.
- ⁸³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. С. 215
- ⁸⁴ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 793–794.
- ⁸⁵ Полковник Донован 11 июля 1941 г. (впоследствии генерал-майор) возглавил созданный по решению президента США Офис Координатора информации, призванный собирать разведывательную информацию, относящуюся к вопросам национальной безопасности США. Обработка информации, полученной ФБР, Госдепартаментом, Армией и Флотом США и т. д. также входила в его компетенцию. 13 июня 1942 г. Офис Координатора информации был переименован в Управление Стратегических служб (УСС), вошедшее в подчинение Объединенного Комитета начальников штабов США. В его составе были созданы отделы, занимавшиеся как получением разведанных, так и их исследованием и анализом (в т. ч. так называемый Исследовательский и аналитический департамент — «R&A»). Вскоре после войны большая часть его дел была передана в Департамент Стратегических служб при министерстве обороны, на базе которого в 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление США (ЦРУ).
- ⁸⁶ Меморандум был подготовлен еще 2 апреля 1945 г. и предназначался для президента США Ф. Рузвельта, умершего 12 апреля 1945. Сам текст меморандума не публикуется.
- ⁸⁷ N. A. RG 226. M 1642. Reel 25.